

Петр Крюков

На Нюрнбергском процессе над нацистскими преступниками генерал Альфред Йодль признается:

- Для генерального штаба было понятно, что битва за Берлин будет решаться на Одере. Поэтому основная масса войск 9-ой армии, оборонявшая Берлин, была введена на передний край.

- Понимали это и мы, рядовые красноармейцы.

Текст: А это чей голос? Вроде бы, очень знакомый... Кажется, слышал его! Давно, очень давно... Но он же погиб, тот солдат...

Голос доносится глухо: -- Верно, погиб. Много нас погибло, и лежим мы под красными звёздами, кто в своей, а кто в чужой земле. А души наши с вами, на Родине!

И говорю сейчас я, гвардии старшина, командир взвода 175-го стрелкового полка 1-го Украинского фронта.

-- Уверены мы были: скоро, скоро конец войне, и скоро Победа, долгожданная, выстраданная. От этого сил прибавлялось. В январе 1945 года 1-ый Украинский перешёл в наступление по всему фронту. Наш гвардейский полк в соединении с другими частями освободил неприступный, казалось, промышленный и культурный центр Польши город Краков, спас его от гибели. Ещё через три дня боёв, развивая дальнейшее наступление, мы вышли к реке Одер. Получен приказ: «Преодолеть сходу водный рубеж и укрепиться на западном берегу в районе местечка Деберн».

Замерли в ожидании команды. Утро холодное, раннее. Ледяная вода кажется чёрной. На другом берегу, совсем близко – враг, и тоже не спит. Сидим молча. Ждём сигнальную ракету. Смотрю на бойцов. В предутренней темноте лиц почти не видно. Чувствую, знаю: не подведут. Понимают важность и сложность задачи. Не первый день на войне.

О чём думается в эти последние мгновения перед боем? Страшно? Конечно, кому не страшно? Каждому хочется дожить до Победы и вернуться домой. Невозможно представить, каким же счастьем будет тот день!

Почему-то перед каждым решительным боем вспоминается родной дом, мать, братья, сёстры. За какую-то секунду или минуту проносится перед глазами вся твоя жизнь... А жизни моей – всего 29 лет... В 41-ом ушли воевать мои братья Алексей и Григорий, потом мы с Тимофеем. Алексей и Тимофей погибли в 44-м. От Григория что-то нет вестей... Недавно я стал членом партии.

А сигнальной ракеты всё нет. Размечтался, как приезжаю в Рыбинск после Победы. За спиной тысячи километров военных дорог, четыре ранения, госпиталя, и передовая, передовая, передовая... А из дома навстречу мне – жена Надя с нашим маленьким сыном. О! Да он совсем большой, вырос- то как за войну! Награды? А как же? Вся моя грудь в орденах! – смеюсь – слышите, как звенят?!

И вдруг всё исчезает: и жена, и маленький сын. Снова темнота.

-- Ракета! Бежим к реке, бросаемся к лодкам. Гребём быстро, яростно. Слышны только удары вёсел о воду. Оглядываюсь: мы плывём первыми. Пока тихо, только удары вёсел. Видно, выжидают, когда подплывём ближе. Стремительно приближается берег, немцы открывают шквальный огонь. Река забурлила от снарядов, словно на дыбы встала, кипит фонтанами взрывов. Скорее к берегу, скорее! Снаряд падает рядом. Взрыв! Лодка переворачивается, мы в воде. Стреляем на ходу. Вот и берег. Выпрямляюсь во весь рост, кричу: «Взвод, за мной! Вперёд!» Выбиваем немцев из прибрежных траншей. Они отступают, отстреливаясь. Вдруг резкая боль обжигает плечо. «Вперёд!» Плацдарм захвачен! Теперь удержать любой ценой, дать возможность переправиться спешащему к нам батальону. Накатывается новая волна атакующих немцев. Мы устремляемся им наперерез, «Тигры» выкатывают из-за домов.

«Приготовить гранаты! Вперед, За Родина...».

Его солдаты ушли вперед. Он остался, лежа с широко раскинутыми руками, словно продолжал удерживать плацдарм.